

Толстой Л. Н.

Пора понять

Толстой Л. Н. Пора понять // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 тт. Т. 38. М.: Гос. изд. «Художественная литература», 1936. С. 160–169. 1909 г.

ПОРА ПОНЯТЬ.

«Государство, основанное на расчете и скрепленное страхом, представляет из себя сооружение и гадкое, и непрочное», говорит где-то Амиель. С этим нельзя не согласиться вообще и можно это понимать разумом, но кроме этого понимания можно еще испытывать всем существом своим чувство отвращения и ужаса перед таким сооружением, когда живешь в нем, и вся гадость и непрочность этого сооружения ничем не прикрыта. И это-то самое чувство испытывается теперь в России огромным большинством 150-ти миллионного народа.

Хорошо, когда гадость и непрочность этого сооружения искусно скрыта от людей сложными, укоренившимися в поколениях людей, хитрыми софизмами, главное, когда люди так заплетены, захвачены в это сооружение своими личными расчетами тщеславия, корысти, что они не видят, уже не хотят, не могут видеть всего безумия, несправедливости, жестокости этого сооружения и, коснея в своем рабстве, воображают, что все приспособления этого сооружения: суды, полиция, войска, министерства, главное парламенты, суть необходимые и благодетельные учреждения, обеспечивающие их безопасность и свободу. Такие люди искренно верят, что они настолько свободны, насколько люди могут быть свободны, и что те учреждения, которые держат их в рабстве, неизбежные условия жизни всех людей, и что если нужно в них изменять что-либо, то только некоторые подробности, в общем же все так, как и должно быть и не может быть иначе. Так думают и могут думать англичане, американцы, французы, немцы, но мы русские, к несчастью, или скорее к счастью, в особенности в настоящее время, как ни старались, не можем думать и чувствовать так. Мы русские теперь в огромном большинстве своем, всем существом своим сознаем и чувствуем, что все то государственное устройство, которое держит, угнетает и развращает нас, не только не нужно нам, но есть нечто враждебное, отвратительное и совершенно лишнее и ни на что не нужное. Для всякого теперь в России не только мало-мальски мыслящего человека, но для самого малодумающего, безграмотного человека совершенно ясно, что кроме всех обычных бед, нарушающих спокойную жизнь человека, он непрестанно испытывает лишения и страдания, причина которых одна – деятельность правительства, котор[ое] с самых разных сторон с неумолимой грубостью и жестокостью, без всякой надобности, не переставая, мучает и давит его, если только он сам не поступает в число тех некоторых людей, которые давят всех. С одной стороны русский человек нашего времени особенно живо чувствует это давление потому, что правительство, не встречая более препятствий, с полной бесцеремонностью и наглостью давит, душит, убивает, запирает, ссылает всех, дерзающих не то что

противиться, но поднимать против него протестующий голос, с другой же стороны, особенно живо чувствуют русские люди жестокость, грубость и безудержный деспотизм правительства еще и потому, что в последнее время, поняв возможность более свободной, чем прежняя, жизни, русские люди сознали, хотя отчасти, себя разумными существами, имеющими право руководиться, каждое, в своей жизни своим разумом и совестью, а не волею случайно попавшего на место властвующего того или другого неизвестного ему человека. Насколько становилась жесточе, грубее и бесконтрольнее власть правительства, настолько усиливалось и уяснялось в народе сознание безумия, невозможности продолжения такого состояния. И оба явления: и безудержный деспотизм власти, и сознание незаконности этой власти, усиливаясь с каждым днем и часом, дошли в последнее время до высшей степени. Но несмотря на ясность сознания большинством народа ненужности и зловредности правительства, народ не может освободиться от него силою вследствие тех практических приспособлений: железных дорог, телеграфов, скоропечатных машин и др., владея которыми правительство может всегда подавлять всякие попытки освобождения, делаемые народом. Так что в настоящее время русское правительство находится вполне в том положении, о котором с ужасом говорил Герцен. Оно теперь тот самый Чингис Хан с телеграфами, возможность которого так ужасала его. И Чингис Хан не только с телеграфами, но с конституцией, с двумя палатами, прессой, политическими партиями et tout le tremblement. 7

– «Деспотизм! Помилуйте, какой же деспотизм, когда у нас две палаты, блоки, партии, фракции, запросы, президиум, премьер, кулуары, – все, как должно. Какой же деспотизм, когда есть и Хомяков и Маклаков, и ответственный министр. Есть свод законов, и суды и гражданские, и уголовные, и военные, есть цензура, есть церковь, митрополиты, архиереи, есть академии, университеты. Какой же деспотизм?» То, что все это есть только подобие того подобия, которым в Европе обманывают людей и в России уже никого – кроме участников – не обманывает в настоящую минуту, не важно для Чингис Хана, так как у него есть другие средства. И он продолжает спокойно делать свое дело, надеясь, что, как это произошло и происходит во всех, так называемых, христианских странах, народ привыкнет, сам втянется и запутается в эти дела, и Чингис Хан останется Чингис Ханом только не с ордой диких убийц, а с благовоспитанными, учтивыми, чистоплотными убийцами, которые так сумеют устроить разделение труда, что грабеж и убийство людей будет одно удовольствие и доступно самому утонченно чувствительному человеку. Так смертоубийства, называемые казнями, совершаются не просто, а перед каждым таким убийством сходятся человек 5 в мундирах, садятся на креслы и на столе, покрытом сукном, что-то пишут и говорят, и хотя они знают, что их разговор не изменяет судьбы того, кого хотят повесить, они делают вид, что они судят и приговаривают. И с этой процедурой убивают от 3 до 7 человек в день. (Нынче, 25 ноября, было 12 явных опубликованных приготовлений к убийствам (приговоров) и 5 убийств.) И это в продолжение 4, 5 лет или больше. Дамы говорят: «C'est terrible. Je ne puis jamais lire sans frémir. —» Мужчины с свойственным мужескому полу мужеством и разумностью внушают дамам, что это необходимо для общего блага. В газетах ужасаются на эти продолжающиеся казни. Важные чиновники и члены Думы, заявляя свою либеральность, говорят,

что пора бы окончить эту boucherie,⁹ но заведующие этой boucherie улыбаются на эту сантиментальность. Они знают, как это неизбежно, необходимо и благодетельно. Погодите, говорят они, придет время и мы перестанем. Но им незачем переставать. Все идет прекрасно и очень может быть, что идет все так прекрасно только благодаря этим «разумным» мерам. Так зачем же отказываться от них. Так насчет убийств, совершаемых властями. То же и по отношению к заключению в тюрьмах. Тюрьмы переполнены, недостает места. Мрут от чахотки, тифов, бегут, бунтуются, убивают самих себя, но власти знают, что это полезно, по крайней мере уж наверно не вредно, и тоже с известными, приличными делу, сопутствующими разговорами и писаниями сажают всё новых и новых узников. Виноваты они или невиноваты, это все равно. Все лучше изъять из жизни человека, от которого может произойти что-нибудь неприятное. То, что он посидит года два в тюрьме или умрет там, вреда для нас не будет, а не посади его – может быть, он и в самом деле виновен. Всегда лучше перекланяться, чем недокланяться. По тюрьмам, построенным на 70 000, больше ста тысяч человек. Но и этого мало. Чуть есть указания или кому-нибудь покажется, что есть указания на то, что человек может думать и высказывать то, что думает о действиях правительства, его схватывают, сажают в тюрьму и даже без всяких приличествующих делу процедур везут в самые далекие, дурные для жизни места и там бросают с запрещением уходить оттуда. Хотя и трудно понять, для чего это нужно Чингис Хану, но очевидно нужно, потому что он старательно делает это, даже тратя большие деньги на эти ссылки. Таких несчастных тоже около сотни тысяч. Люди эти озлобляются, передают свое озлобление тем мирным людям, которые до их появления не думали о правительстве, но Чингис Хану до этого дела нет, у него есть телеграфы, телефоны, скорострельные пушки, револьверы и он не интересуется тем, что думают и чувствуют мучимые им люди. Но это далеко не все. Самое важное продолжает делаться дома в столицах, больших городах, в печати и, главное, в школах от высших до низших. Запрещается все, что только может открыть глаза людям, поощряется все то, что может затемнить, ослепить людей в печати, в школах и, главное, в религии. Казалось бы, нельзя соединить все, что творилось и творится, с исповеданием религии, называемой христианской, еще менее оправдать все эти злодеяния этой христианской религией, но существует целое сословие людей, которое занято одним этим делом: таким извращением христианства, при котором всевозможные преступления, грабеж (подати, земельная собственность), истязания, даже убийства, казни, войны считались свойственными христианам делами. И кажущееся невозможным дело совершается. Совершается то, что вера в учение Христа заменяется кощунственной верой в то, что Христос Бог делатель самых странных и ненужных чудес и что, веруя в этого Христа, надо верить и в чудеса, происходящие от воображаемой царицы небесной, от мощей, икон и т. п. Все это передается как священные истины и рядом с этим, как столь же священная истина, внушается и рабское подчинение Чингис Хану. Совершается этот ужасный обман над взрослыми и с особенным рвением и упорством и наглостью над подрастающим поколением под видом обучения заведомой лжи, называемой законом божим. На каждом экзамене закона божия – а через такие экзамены проходят все дети – происходит следующее.

Священник. Дозволено ли убийство по христианскому закону?

Ученик. Нет.

Св. Всегда не дозволено?

Уч. Нет, не всегда.

Св. Когда же оно дозволено?

Уч. Дозволено в случае наказания за преступление и для защиты отечества.

И это всегда на всех экзаменах. И нет ни одного русского грамотного человека во всей империи, который бы в том возрасте, когда он еще не может рассуждать, не прошел бы через эту клевету на Бога, на Христа, на разум человеческий. И Чингис Хан, как представитель просвещенного правительства, дает награбленные с народа деньги на народные школы, должностующие распространять такое Чингис–ханское просвещение.

Так телесно и духовно угнетался и угнетается русский народ Чингис Ханом с телеграфами и Чингис Хан был спокоен и надеялся, что теперь, когда есть конституция, и Хомяков, и Маклаков, и президиумы, и правые, и левые, и середина, и Гучков, и духовенство, и союзы русского народа, и пресса, и школы, и что, если не жалеть награбленных денег на шпионов и на тюрьмы, суды, виселицы для взрослых, и на преподавание, распространение и поддержание клеветы на христианские учения в виде гнусного обмана под названием Закона Божия для детей, то все будет идти по старому, и различие Чингис Хана с телеграфами от прежнего будет только в том, что новый Чингис Хан будет еще могущественнее старого. – Но к несчастью Чингис Хана и к счастью русского народа Чингис Хан ошибся. От того ли, что слишком глупы и грубы были слуги нового Чингис Хана и их дела, от того ли, что в своих насилиях они перешли тот предел, дальше которого люди не могут переносить порабощение их и издевательства над их разумом, от того ли, что железные дороги, телеграфы, пресса и все то, что, с одной стороны, дает могущественное орудие в руки Чингис Хана, с другой стороны соединяет людей в одном и том же сознании, от того ли, что русскому народу, большинству его, настоящему народу, крестьянскому народу, не развращенному еще школами, свойственно понимание христианского учения в его истинном значении, признающем равенство и братство людей, не допускающее не только убийство, но и насилие друг над другом, от того ли или от другого или еще чего, но несомненно одно то, что в настоящее время русский народ, настоящий русский народ, вследствие совершенных и совершаемых над ним преступлений, потерял не только уважение к своему правительству, но и веру в необходимость какого бы то ни было правительства и не может уже быть принужден повиноваться существующему правительству и участвовать в мерзких делах его. Недавний проезд Царя со всеми сопутствующими ему отвратительными подробностями был, как мне кажется, тем толчком, который при переохлажденной жидкости мгновенно превращает жидкое тело в твердое.

Этот проезд везде, где он происходил, вызвал одно и то [же] чувство сознания очевидной ненужности, а потому и вредоносности Царя и всех

его помощников.

Едет Царь, тот человек, который стоит во главе правительства, человек, о котором предполагается, что он признается всем народом своим владыкой, что он тот человек, который своей властью может облагодетельствовать и отдельные лица, и общества людей, и целые сословия, что это лицо священное для всех людей русского народа. Кроме того предполагается, что этому человеку для себя ничего не нужно и что он стоит выше всяких желаний и страхов. Казалось бы, к такому лицу, как это и было прежде, во времена Николая первого, может быть только одно чувство, желание видеть, желание просить тех или иных благодетелей, желание выражения своей благоговейной преданности и любви, и роль всех, окружающих царя, только одна – удерживать в пределах порядка восторженную толпу, стремящуюся к этому предмету своего благоговейного поклонения. Так это должно быть, так это и было когда-то. И что же теперь? Едет Царь с своими помощниками, приближенными ему людьми, исполнителями его воли – и все они, зная, что в народе, над которым они властвуют и среди которого им нужно проехать, живут тысячи, десятки тысяч людей, ненавидящих и царя и их и всячески старающихся убить их, люди эти, в ограждение Царя и себя от этой ненависти, устраивают на всем протяжении тех мест, по которым они проезжают, тройные, четверные ряды тайных и явных охранителей. Едет Царь по своему царству, и три линии солдат, полиции, наряженных и бесплатно оторванных от своих работ крестьян, стоят день, два, неделю, другую, ругая виновника их положения, ожидая проезда, День проезда умышленно не определяется для того, чтобы желающие убить царя не могли бы знать, когда он проедет. Для этой же цели едет не один царский поезд, а несколько, так что никто не может знать, какой настоящий. И вот, наконец, украдкой, как беглец и преступник, пролетает этот человек между трех рядов охраны и никто не видит его кроме для приличия представляющихся ему в городах, где он останавливается, чиновников и важных лиц при тех же предосторожностях, охраняющих Его от покушений на его жизнь, которых всегда и везде не могут не бояться.

Ведь предполагается, что молчаливым согласием народ признает необходимость и благодетельность царской власти. Если же оказывается, что эта царская власть поставила себя в такое отношение к народу, что не смеет уж показаться ему, а прячется от него и пробегает мимо него, как вор от тех, кого он обворовал, так зачем же эта власть? Если положение власти поддерживается уже не признанием народом ее необходимости, а насилием, ружьями и ташками, а сама власть прячется от народа? Вот это-то становилось все более и более ясно и теперь стало уже совершенно ясно огромному большинству народа.

На что же царь, коли он прячется? А если прячется, то верно не даром, а значит чувствует, что ему нельзя не прятаться после того, что он делает и делал. Так думает огромное большинство. Не говоря уже о всех заключенных, сосланных, из которых большая доля невинных, а их десятки тысяч, и у всех их так же, как и у всех убитых, есть отцы, матери, братья, сестры, жены, друзья, которые не могут не ненавидеть виновника и виновников их горя. Но не говоря об этих сотнях, тысячах людей, имеющих такие естественные причины для

ненависти к Царю и его помощникам, главная масса народа, крестьяне, все крестьяне, за исключением малого числа загипнотизированных людей, все крестьяне, доведенные теперь лишением земли до положения худшего, чем то, в котором они были при крепостном праве 50 лет тому назад, крестьяне, ожидавшие освобождения от того земельного рабства, худшего теперь, чем рабство крепостное, не могут не смотреть на Царя, виновника этой признанной ими несправедливости, с такими же самыми недобрыми, враждебными чувствами, как и те, которые питают к Царю и его помощникам все десятки или сотни тысяч непосредственно пострадавших и страдающих от их жестокости. Крестьяне знают, что все попытки освобождения их от земельного рабства, все всегда разбивались об закостенелость царского правительства, которое, в насмешку над их законными требованиями, дало им закон 9 ноября, вносящий только еще новое зло в их отчаянное положение. И потому нельзя Царю и его помощникам не бояться и ненавидящих правительство крестьян, не бояться их доходящего до ненависти раздражения за неуслышание их страданий и за неисправление той возмутительной неправды, от которой они страдают.

Правда, есть у несчастного Чингис Хана люди, которые уверяют его в преданности к нему всего народа, в твердости той веры в Бога и рядом в Царя, которая когда-то была в народе. Но к несчастью люди эти, сами не веря тому, в чем они уверяют Царя, своей наглой ложью только отводят ему глаза от его действительного положения. Так что, веря им, несчастный Чингис Хан, продолжая свою грубую деятельность, этой самой деятельностью насилия и разрушает в конец последние основы, на которых могла бы держаться его власть.

Сознание ненужной, бессмысленной и вредной царской власти стало теперь более или менее очевидно, ясно огромному большинству народа. Трудно предвидеть, какие будут последствия этого сознания, но последствия эти, и непременно губительные для правительства, не могут не быть. Может быть, как это ни мало вероятно, но все-таки может быть – то, что власть, пользуясь всеми внешними материальными средствами, которыми она обладает, продержится еще некоторое время. Может быть и то, что опять вспыхнет революция, которая опять будет задавлена, так как средства борющихся слишком неравномерны. Но в обоих случаях неизбежно будет то, что сознание ненужности и преступности правительства будет делаться все яснее и яснее людям русского народа и сделается, наконец, то, что огромное большинство людей не будет уже в состоянии, не в виду каких-либо внешних целей, а только потому, что это будет явно и мучительно их нравственному сознанию, не будет уже в состоянии повиноваться правительству и исполнять те его безнравственные требования, которыми оно держится. А как только это будет, как только будет ясно каждому человеку, что то, что называется правительством, есть только соединение людей, отстаивающих свое положение рядом неперестающих преступлений, так неизбежно прекратится и повиновение такой власти, и то участие в деятельности правительства, которое одно поддерживает его.

«От меня требуют участия в делах правительства, – скажет себе освободившийся от правительственного обмана человек (а освобождение это совершается теперь в тысячах и тысячах людей)», – требуют от меня участия в уплате податей и взимания их, предлагают мне участие

в делах административных, судебных, педагогических, полицейских, требуют моего участия в военной службе, но зачем же я буду делать все это, когда я знаю, что все эти дела лишают меня и моего достоинства, и моей свободы, главное же делают меня участником в делах противных и здравому смыслу и требованиям самой первобытной нравственности». Так что для людей, понявших то, что псвиновением власти они сами порабощают себя, лишая себя самых первых и духовных благ, отношение к власти может быть только одно, такое, при котором человек на все предъявляемые к нему требования правительства всегда отвечает только одно: «Со мной, – отвечает такой человек, – можете, пока сила в ваших руках, делать, что хотите, запирайте, ссылайте, казните. Я знаю, что не могу противиться вам и не буду, но знаю и то, что не могу и не буду также и участвовать во всех дурных делах ваших, чем бы вы ни оправдывали, ни прикрывали их и чем бы ни угрожали мне».

Такое отношение к тому, что называется русским правительством, уже живет теперь в сознании большинства русских людей, а продолжись еще некоторое время безумная, бесчеловечная и грубо жестокая деятельность этого правительства, и то, что теперь только в сознании, неизбежно перейдет и в дело. А перейдет сознание в дело, т. –е. перестанут большинство людей, повинаясь правительству, участвовать в его преступлениях, и само собой без борьбы падет то ужасное, отжившее русское правительственное устройство, существование которого уже давно не соответствует нравственным требованиям людей нашего мира.

6 декабря 1909 г.

Примечания

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ.

Статью «Пора понять» Толстой начал писать 16 сентября 1909 г. в Крекшине (у Чертковых). Толчком к написанию этой статьи послужил проезд Николая II в Ливадию, в связи с которым была введена усиленная охрана пути. В Дневнике под 16 сентября записано: «Дома попытался писать о том, что нельзя не быть анархистом, и не пошло». Первоначальное заглавие этой статьи и было – «Анархизм». Как видно и по Дневнику, и по датам рукописей, работа над статьей продолжалась весь сентябрь и была окончена 4 октября 1909 г. 26 сентября записано: «Писал довольно много: анархизм. Не знаю, выйдет ли и буду ли издавать. В первый раз нынче, после нескольких дней, охотно писал». 28 сентября: «... вчера... очень много писал и охотно анархизм. Может быть, и годится». 30 сентября: «29-го не сходил вниз, писал и очень много написал к Анархизму. Кажется, недурно. Но тяжело осуждение. Но как-то само собой выливается». 4 октября: «Сегодня, 4 октября, много писал. Одно письмо серьезное и поправил окончательно Разговор и Анархизм». Наконец, 6 декабря 1909 г. (именно этой датой помечена копия окончательного текста) в Дневнике записано: «Вечером Душан469 принес Анархизм с своими замечаниями. Последнее, очень верное, что конец слаб, я принял к сведению, поправляя, но пришел все-таки к решению не публиковать. Недобрая

статья, – не надо».

Это последнее решение явилось у Толстого, вероятно, не без связи с тем, что писал ему по поводу этой статьи В. Г. Чертков. Получив от Толстого рукопись, Чертков писал ему 20 октября 1909 г.: «Анархизм» я очень рад, что вы написали. Раз у вас было это возмущение, то хорошо, что вы дали ход этому крику души. Но, как вы сами знаете, тон не самый высокий и чистый – не то настроение, при котором чувствуешь, что «никто не виноват». Ах, как мне хотелось бы, чтобы вы высказали, это можно только в художественной форме, и вы одни это можете, всю ту жалость к служителям зла, к притеснителям и разбойникам, к этим несчастным Чингиз–Ханам, которую они заслуживают и которую вы теперь гораздо чаще питаете к ним, чем озлобление! Почему вам легче писать от избытка возмущения, чем от избытка любви?.. В «Анархизме» имею предложить вам маленькие поправки». Письмо от 23 октября целиком посвящено вопросу об этой статье. Здесь В. Г. Чертков подробно развивает те мысли, которые сжато высказаны в предыдущем письме: он настаивает на том чтобы Толстой писал не только рассуждения, но применил бы и свое художественное дарование, не стесняясь привычными формами. «Нам, людям, в особенности в России, больше всего нужно слово, высказанное от сердца к сердцу, а не «с сердцем»... Мне кажется, что на вашем месте следовало бы не только желать, а считать своим нравственным долгом выразить и передать другим это ваше высшее, божеское отношение к людям, что, как вы знаете, можно сделать не одними только рассуждениями, но и применяя ваше художественное дарование». В пример Чертков ставит «Разговор прохожего с крестьянином» и незаконченное «Никто не виноват» (т. е. «Нет в мире виноватых» [1]).

Заглавие статьи менялось: вместо «Анархизм» было сначала поставлено – «Освобождение», потом – «Чингиз–Хан с телеграфами» и наконец – «Пора понять». Заглавие «Чингиз–Хан с телеграфами» (это выражение употреблено в тексте статьи) ведет к Герцену, которого Толстой очень любил читать. С. Л. Толстой вспоминает: «Отец разделял с Герценом его ненависть к Николаю I и крепостному праву. Он нередко повторял следующее мнение Герцена о Николае I, применяя его вообще к деспотическому правительству: Чингис–хан был, конечно, очень страшен, и бороться с ним было трудно. Но еще страшнее Чингис–хан, когда к его услугам находятся пушки, железные дороги, телеграфы и вообще все приобретения современной техники. С таким Чингис–ханом почти невозможно бороться». 470 Герцен высказал это мнение в своем «Письме к императору Александру II. (По поводу книги барона Корфа)», напечатанном в «Колоколе» 1857 г.: «Если б у нас весь прогресс совершался только в правительстве, мы дали бы миру еще небывалый пример самовластья, вооруженного всем, что выработала свобода, рабства и насилия, поддерживаемого всем, что нашла наука. Это было бы нечто в роде Чингис–Хана с телеграфами, пароходами, железными дорогами, с Карно и Монжем в штабе, с ружьями Минье и с конгревовыми ракетами под начальством Батыя». 471 Эту мысль Герцена Толстой неоднократно повторял в разговорах и в письмах. В письме к Б. Н. Чичерину от 31 июля 1890 г. Толстой хвалит его воспоминания о Н. И. Кривцове и прибавляет: «Недаром Герцен говорил о том, как ужасен был Чингис–Хан с телеграфами, с железными дорогами, с журналистикой. У нас это самое совершилось теперь». 472 Уже после написания статьи

«Пора понять» Толстой, в письме к редактору газеты «Новая Русь» К. Славнину от 27 февраля 1910 г., снова повторяет выражение Герцена: «Извините, если, может быть, не точно отвечаю на ваш вопрос, но незатихающее негодование и ужас перед деятельностью царствующего в наше время Чингиз-Хана с телефонами и аэропланами, облекающего свои злодеяния в форму законности, – негодование это при всяком таком случае, как ваш, просится наружу». 473

Заглавие «Пора понять» явилось только при самой последней обработке статьи – 6 декабря 1909 г. А. Б. Гольденвейвер пишет в своем дневнике: «4 и 5 октября я был в Ясной... Л. Н. был довольно здоров. Он только что написал статью об анархизме, которую он назвал «Чингис-Хан с телеграфом»... После нескольких приветственных слов Л. Н. сразу заговорил со мной о статье... У Л. Н-ча статья была в руках. Он очевидно взял ее у Александры Львовны, которая по обыкновению с вечера переписывала сделанное им вчера. Л. Н. дал ее мне прочесть. Я стал читать вслух. Статья очень сильно написана и, как всегда у Л. Н-ча, вначале, до окончательной отделки, значительно более резкая, чем обычно впоследствии». 474 Как видно по рукописям, заглавие «Пора понять» явилось только в последней редакции (рукопись № 7, от 6 декабря) и написано чужой рукой.

Статья появилась впервые в издании: Л. Н. Толстой, «1) Письмо к Александру III, 2) Письмо к Николаю II, 3) Не могу молчать, 4) Пора понять», изд. «Былого» и «Общего дела», Париж 1911. В России – в издании «Посредник», М. 1918. В настоящем издании печатается по рукописи № 7, с исправлениями ошибок переписчика по предыдущим рукописям.

Цитата, которой начинается статья, взята Толстым из «Круга чтения» (т. II, вып. 2, стр. 569, 22 декабря).

Стр. 162, строка 30. «Нынче, 25 ноября» и т. д. В газетах этого времени особенно – в «Русском слове») сообщается об огромном количестве смертных приговоров; в номере от 25 ноября количество их не вполне совпадает с указанным у Толстого.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

В Рукописном отделении ГТМ хранятся следующие рукописи статьи «Пора понять»:

№ 1. Черновой автограф, 1 полулист писчей бумаги в клетку. Текст на обороте занимает 1/3 страницы.

Заглавия нет. Начало: «... Государство, основанное на расчете и скрепленное страхом»...; конец: «... и самого того дела, к[отор]ое оно делает». Над текстом рукой А. П. Сергеенко (карандашом) написано: «Самое первое начало. Крекшино, 17 Сент. 1909 г.»

Из этой рукописи даем вариант N 1.

№ 2. Копия с автографа, сделанная рукой А. П. Сергеенко. 7 листов бумаги большого формата. Текст написан на одной стороне, с большими

промежутками между строк – очевидно для поправок и вставок, сделанных Толстым в большом количестве. После копии следует продолжение, написанное рукой Толстого и занимающее остальную часть л. 7 (с оборотом) и л. 8-й (отрезок линованной писчей бумаги). Начало: ...«Государство, основанное на расчете и скрепленное страхом»...; конец: ... Въ самомъ деле царь то еще к...—»

Заглавия нет. На обложке рукой А. Л. Толстой написано: «Черновики к статье «Анархизм» 27-го Сент.»

Публикуем из этой рукописи варианты.

№ 3. Машинописная копия с № 2. 35 листов писчей бумаги равного формата (4° и срезки). Текст неполный – многие листы перешли в следующую копию. В тексте много авторских поправок и вставок (между строк, на полях и на оборотах) Есть листы со сплошным новым автографом. На л. 27 об. дата рукой Толстого: «29 Сент. 1909».

Печатаем из этой рукописи вариант № 2, 7, 8.

№ 4. Машинописная копия, образовавшаяся из соединения заново переписанных листов с листами, перешедшими из копии № 3. 31 лист обыкновенной писчей бумаги 4° (некоторые склеены из отрезков). Текст полный. Начало: ... «Государство, основанное на расчете и скрепленное страхом»...; конец: «... станетъ невозможно въ наше время». Много новой авторской правки. Пагинация: 1–22: Заглавия нет.

Из этой рукописи даем вариант № 9.

№ 5. Машинописная копия. 9 листов папиросной бумаги («ремингтон»). В тексте сделаны рукой Толстого только две поправки (вместо «референдумы» – «президиумы»); остальные поправки сделаны рукой В. Г. Черткова (карандашом).

Первоначальное заглавие (машинкой) – «Анархизм» – зачеркнуто карандашом; над ним написано рукой В. Г. Черткова (тоже карандашом) новое заглавие: «Освобождение»; это заглавие тоже зачеркнуто и той же рукой написано новое (чернилами): «Чингиз-Хан с телеграфами».

В левом углу л. 1 надпись карандашом рукой В. Г. Черткова: «Неокончателъная версия. Сохранить в черновых в Архиве». На обложке (зеленого цвета) рукой Толстого написано карандашом: Разговор 1-й. Под этим его же рукой написано чернилами: Анархизмъ.

№ 6. Машинописная копия, сделанная с предыдущей. 12 листов папиросной бумаги («ремингтон»). Заглавие было напечатано неверно – «Чингиз-Хан с телефонами»; сделана поправка – «телеграфами». Исправленное заглавие было повторено машинкой и наклеено, но заменено новым, написанным рукой А. П. Сергеенко: «Пора понять».

Все места этой копии, соответствующие исправлениям, сделанным в предыдущей копии рукой В. Г. Черткова, отмечены красным карандашом, а синим вписан прежний текст. Есть поправки рукой Толстого.

Здесь же лежат 3 листа папиросной бумаги с машинным текстом последнего листа копии (дубликаты). Из них на первом и третьем имеются поправки рукой Толстого.

№ 7. Машинописная копия, сделанная с предыдущей. 12 листов папиросной бумаги («ремингтон»). Заглавие «Чингиз–Хан с телеграфами» зачеркнуто, вместо него написано рукой А. П. Сергеенко: «Пора понять».

Поправок рукой Толстого нет. На первом листе в левом углу пометка карандашом рукой А. П. Сергеенко: «окончат.» Под текстом машинная дата: «6 декабря 1909 г.»

Кроме того сохранились 3 обложки, на которых рукой А. Л. Толстой написано: 1) Черновые. «Анархизм». 28 Сент. 2) Черновые «Анархизма» 29 Сент. 09 г., 3) Черновые «Анархизма» 4 Окт. 09 г.

Сноски

7. [и со всем шумом]

8. [Это ужасно! Я не могу читать без содрогания.]

9. [бойню,]

469. Доктор Д. П. Маковицкий.

470. «Мой отец в семидесятих годах» – «Красная новь» 1928, 9, стр. 204.

471. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под редакцией М. К. Лемке, т. IX. Спб. 1919, стр. 27.

472. «Письма Толстого и к Толстому. Юбилейный сборник», Гиз. М. 1928, стр. 29.

473. «Толстой и о Толстом», изд. Толстовского музея, М. 1926, стр. 79.

474. «Вблизи Толстого», т. I, М. 1922, стр. 349–350.